

К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ФРАНКО-КАНАДСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА

В. А. Тишков

В сентябре 1759 г. на обширной равнине Авраама, недалеко от Квебека, английская армия во главе с генералом Д. Уолфом нанесла поражение французской армии генерала Л.-Ж. Монкальма. Ровно через год в лагере под Монреалем англичане приняли капитуляцию от губернатора Новой Франции Водрея, и крупнейшая французская колония на североамериканском континенте — Канада с ее 65-тысячным населением перешла под власть Великобритании. Этот важнейший результат Семилетней войны в Северной Америке был окончательно закреплен условиями Парижского мира 1763 года¹. В память о сражении, происшедшем на равнине Авраама и стоившем жизни обоим полководцам, в Квебеке был сооружен обелиск с надписью: «Доблесть принесла им общую смерть, история — общую славу, а потомки — общий памятник». Слова эти должны были, по-видимому, символизировать мир и гармонию, которые будто бы воцарились в Канаде с приходом англичан. Однако на деле с установлением английского колониального господства в стране возник национальный вопрос, связанный с судьбой населения французского происхождения, который не решен и поныне. Предлагаемая статья посвящена именно этому начальному этапу франко-канадского национального вопроса, представляющего собой центральную национальную проблему в последующей истории Канады. Вопрос о господстве европейцев над коренными жителями Северной Америки — индейцами и другие аспекты общего национального вопроса в Канаде требуют особого внимания и в данной работе не рассматриваются.

Значение английского завоевания для исторического развития Канады, особенно для судеб франко-канадцев, было и остается одной из наиболее острых и горячо обсуждаемых многими поколениями канадцев проблем. Историки не остались в стороне от этого вопроса, а в последнее десятилетие в связи с обострением национальных противоречий в стране проблема «завоевания» стала одной из центральных и для современных канадских историков². Наибольшие усилия, полемический пыл и темперамент проявляют франко-канадские историки, которые как бы продолжают «битву на равнине Авраама» со своими оппонентами.

Начало историографии по интересующему нас вопросу относится еще к прошлому веку. Уже тогда наметились две основные точки зрения, представленные историками французского и английского происхождения. Франко-канадскую концепцию английского завоевания первым изложил Ф. Гарно — основоположник «националистической» традиции в

¹ Условия капитуляции и текст мирного договора см.: «Documents Relating to the Constitutional History of Canada, 1759—1791» (далее—CD). Ed. by A. Shortt and A. Doughty. Ottawa. 1918, pp. 7—36, 98—108.

² См., например, изданную в серии «Спорные проблемы канадской истории» книгу «The French Canadians, 1759—1766. Conquered? Half-Conquered? Liberated?». Ed. by C. Nish. Toronto. 1966.

канадской историографии. Он считал, что завоевание стало трагедией для франко-канадцев, которых англичане лишили всех прав и возможностей. Внедрение новых законов и порядков вместо «привычной гармонии», по его мнению, привело франко-канадскую общину в состояние полнейшего хаоса и упадка³. Эта точка зрения превалировала у франко-канадских историков вплоть до начала XX века⁴. В 20-х годах ее отстаивал и развивал в своих работах профессор Монреальского университета Л. Груль, полагавший, что к моменту прихода англичан в Канаде уже существовала самостоятельная франко-канадская нация. Впрочем, Л. Груль не считал, что завоевание существенно изменило уже сложившиеся особенности этой нации⁵. Последний тезис лег в основу нового направления в трактовке проблемы завоевания, которое получило название «традиционного». Его представители рассматривали Новую Францию как чисто миссионерскую по характеру колонию и делали вывод, что английское завоевание не вызвало крупных перемен в жизни франко-канадцев⁶.

Вторая мировая война, быстрый промышленный рост Канады, урбанизация страны и неравномерное развитие ее отдельных провинций привели к обострению социальных и национальных противоречий. Особую актуальность приобрела история национального вопроса в условиях роста квебекского сепаратизма и кризиса канадской конфедерации, которые имели место уже в последнее десятилетие⁷. В конце 50-х—начале 60-х годов группа историков Монреальского университета выдвинула концепцию «социального обезглавливания», истоки которой восходят к «националистической» традиции Ф. Гарно. Представители монреальской школы (М. Секэн, М. Брюне, Ф. Гарик, Г. Фрего), придерживающиеся указанной концепции, считают, что накануне английского завоевания Канада представляла собой развитую торговую колонию с многочисленным и влиятельным классом буржуазии. После завоевания эта наиболее мобильная часть колониального населения была вынуждена покинуть страну. Обезглавленная франко-канадская община, представители которой были изгнаны из торгово-промышленной и политической сфер жизни колонии, замкнулась в себе, сосредоточившись исключительно на обработке земли. Отсюда делается вывод, что английское завоевание привело французскую Канаду к экономическому и политическому краху⁸.

Представители монреальской школы не скрывали главной направленности своей концепции — показать происхождение неравенства Квебека и канадцев французского происхождения, объяснить и оправдать их политическую борьбу. М. Брюне, например, писал, что «...люди изменяют свой взгляд на прошлое, когда они понимают, что тем самым могут дать новую ориентацию своим коллективным действиям»⁹.

³ F.-X. Garneau. History of Canada, from the Time of Its Discovery till the Union Year (1840—1847). Vol. 2. Montreal. 1860, pp. 84—86; e j u s d. Histoire du Canada. Livre Onzième. P. 1920, pp. 296—300.

⁴ См. подробнее: R. Cook. Some French-Canadian Interpretations of the British Conquest. «Canadian Historical Association Report» (далее—CHAR), 1966, pp. 70—84.

⁵ L. Groulx. Lendemain de conquete. Montreal. 1920, pp. 234—235.

⁶ R. Cook. Op. cit., p. 72.

⁷ Об обострении франко-канадского вопроса в Канаде на современном этапе см.: А. Колпачков, О. Сороко-Цюпа. Обострение национального вопроса в странах развитого капитализма. «Коммунист», 1972, № 8; О. С. Сороко-Цюпа. Из истории франко-канадского национального вопроса. «Национальные проблемы Канады». М. 1972; его же. Национальное движение во французской Канаде 60-х годов XIX века. «Расы и народы». Вып. 3. М. 1973.

⁸ M. Séguin. Genèse et historique de l'idée séparatiste au Canada Française. «Lauréant», juin 1962; M. Brunet. La Presence Anglaise et les Canadiens. Montreal. 1958; P. Garique. L'Option politique du Canada Française: une interpretation de la survivance nationale. Montreal. 1963; G. Fregault. Canadian Society in the French Regime. Ottawa. 1962.

⁹ M. Brunet. French-Canadian Interpretations of Canadian History. «Canadian Forum», Vol. XLIV, April 1964, p. 5.

Взгляды М. Брюне и его коллег вызвали резкую критику со стороны франко-канадских историков. С наиболее аргументированных позиций выступили Ж. Амлен и Ф. Уэлле. Они поставили под сомнение тезис о существовании в период французского господства влиятельного слоя национальной буржуазии. Что же касается причин отсталости французской Канады в ходе последующего развития страны, то они склонны объяснять ее не английским завоеванием, а особенностями «самого французского режима». Ж. Амлен замечал: «Трагедией французской Канады была неспособность колонизаторов создать национальную буржуазию, которая могла бы заниматься эксплуатацией природных богатств страны. Торговля с метрополией, рыбный промысел, монополия на мехоторговлю, верфи и рудники Канады были в руках представителей метрополии или принадлежали французскому королю»¹⁰. Ф. Уэлле и его единомышленники считают, что завоевание не вызвало существенных перемен в жизни населения Канады. Более того, по мнению Ф. Уэлле, уничтожение старой колониальной системы абсолютистской Франции дало определенные преимущества и дополнительные возможности торговым элементам французской Канады¹¹.

Проанглийская точка зрения на проблему была изложена в канадской историографии также еще в XIX веке. Правда, ее выдвинул не канадский, а американский историк Ф. Паркмен. Французское господство в Канаде, считает он, не могло дать канадцам всех тех благ, которые принесли с собой англичане, а именно, «рациональную и организованную свободу», прогресс, материальный рост, духовные ценности. По этим причинам английское завоевание положило в Канаде «начало новой жизни»¹². О «процветании» франко-канадцев в условиях «свободного английского режима» писал также один из патриархов англо-канадской историографии, У. Кингсфорд¹³. Наиболее законченное выражение проанглийская концепция нашла в трудах А. Берта, опубликовавшего в 30-х годах XX в. ряд работ по истории Британской колониальной империи, в том числе труд о начальном периоде английского господства в Канаде. А. Берт считал, что в «интересах Британской империи и Канады канадцев нужно было завоевать, и они были завоеваны». Это была «одна из самых блестящих побед английской армии», но «еще более почетной и великопленной была моральная победа над населением страны, которое, по мнению А. Берта, добровольно и с радостным смирением приняло новых колонизаторов. В Канаде, отмечает он, воцарилась «прекрасная гармония между завоеванными и завоевателями», одна из причин которой лежала в желании канадцев насладиться «благами свободы, процветания и мира»¹⁴.

Апологетическая концепция А. Берта с некоторыми модификациями стала доминирующей в англо-канадской историографии. Ее придерживался, например, Д. Крейтон, работы которого отмечены модным в 30-е годы вулгарным экономизмом. Английское завоевание, пишет он, принесло в Канаду «свежий ветер делового энтузиазма», новые коммерческие силы, хотя одновременно породило проблему ассимиляции франко-канадцев. Национальные конфликты в Канаде Д. Крейтон объясняет борьбой между прогрессивным «коммерческим началом», представленным предприимчивыми английскими купцами долины реки Св. Лаврент-

¹⁰ J. Hamelin. *Economie et société en Nouvelle France*. Quebec, 1960, p. 137. См. также С. Nish. *Les bourgeois-gentilhomme de la Nouvelle France, 1729—1748*. Fides, Montréal et P. 1968; F. Ouellet. Michel Brunet et le problème de la Conquête. «Bulletin des recherches historiques» (далее — BRH). Vol. 62, 1956, pp. 92—101.

¹¹ F. Ouellet. *Le Nationalisme canadien-français: de ses origines à L'insurrection de 1937*. «Canadian Historical Review» (далее — CHR). Vol. XIV, 1964; e jus d. *Histoire économique et sociale du Québec, 1760—1850*. Montréal. 1966.

¹² F. Parkman. *The Old Regime in Canada*. Boston. 1889.

¹³ W. Kingsford. *The History of Canada*. Toronto. Vol. 4, 1890, pp. 451, 502—503.

¹⁴ A. L. Burt. *The Old Province of Quebec*. Toronto. 1933, pp. 54—56.

тия (Д. Крейтон положил начало «лаверентийской школе» в канадской историографии), и отсталым, полуфеодалным обществом, которое защищали франко-канадские крестьяне и ремесленники¹⁵.

В послевоенный период англо-канадские историки уже не могли безоговорочно оправдывать английский колониальный режим. Один из признанных авторитетов по национальному вопросу в Канаде, М. Уэйд, был вынужден писать о некоторых негативных последствиях английского завоевания, но при этом утверждал, что они были уравновешены «великодушной политикой завоевателей» и преодолены стремлением французского населения «выжить» в условиях нового режима¹⁶. Ученица А. Берта Х. Нитби хотя и указывала на «изъяны» в колониальном режиме англичан в Канаде и даже пыталась в какой-то мере отмежеваться от перечисленных выше апологетических концепций, все же в целом осталась на позициях своего учителя¹⁷.

Однако и среди англо-канадских историков не было единства мнений. Так, крупный историк англо-канадец А. Лауэр считает английское завоевание «разновидностью рабства» и решительно расходится с А. Бертом и его школой¹⁸. Точка зрения А. Лауэра гораздо ближе к взглядам Ф. Уэлле, и уж по крайней мере между ними больше общего, чем между двумя франко-канадскими историками Ф. Уэлле и М. Брюне. Англо-канадец Д. Стенли дословно повторяет концепцию «социального обезглавливания»¹⁹ и тем самым оказывается в лагере наиболее националистически настроенных франко-канадских историков. В свою очередь, на проанглийской точке зрения не раз оказывались и сейчас стоят довольно известные франко-канадские историки, как, например, М. Трудель, который посвятил свое исследование «похвальным» дням английской военной оккупации Канады²⁰.

Этот далеко не полный обзор достаточно убедительно свидетельствует о том, что проблема происхождения национального вопроса в Канаде остается весьма актуальной для современной канадской буржуазной историографии. В настоящее время в рамках двух основных теоретических школ существуют различные точки зрения. Сторонники одной трактуют английское завоевание как необратимую катастрофу, вызвавшую все последующее отставание франко-канадского общества. Сторонники второй считают события 1760 г. инцидентом, который не привел к каким-либо глубоким переменам в слабо развитой французской колонии, а причины отсталости Квебека связывают с периодом французского господства. Наконец, сторонники третьей точки зрения признают наличие серьезной угрозы этнической и религиозной общности франко-канадцев со стороны английских завоевателей, а столь длительное существование франко-канадской нации объясняют замкнутостью общины и ее стремлением «выжить».

Буржуазные канадские историки неоднократно пытались объяснить причины поражения Франции в Семилетней войне и сравнительно легко для Англии завоевания Канады. Как правило, они сводили дело к чисто военной стороне вопроса или же обвиняли французского короля Людовика XIV в том, что он проводил «недалновидную» колониальную политику и относился без всякого энтузиазма к развитию и укреплению

¹⁵ D. Creighton. The Empire of St. Lawrence. Toronto. 1956 (впервые опубликовано в 1937 г.), p. 21; e. j. s. d. Dominion of the North. A History of Canada. Boston, 1944, p. 144.

¹⁶ M. Wade. The French-Canadians. 1760—1967. Vol. 1. Toronto, 1968, pp. 47—49.

¹⁷ H. Neatby. Quebec. The Revolutionary Age. 1760—1791. Toronto. 1966.

¹⁸ A. R. M. Lower. Colony to Nation: A History of Canada. Toronto. 1946, pp. 63—69.

¹⁹ G. F. G. Stanley. New France. The Last Phase. 1744—1760. Toronto. 1966.

²⁰ M. Trudel. Le Regime militaire dans le gouvernement des Trois-Rivières, 1760—1764. 2 Vols. Trois-Rivières. 1952.

Новой Франции²¹. Но такое толкование не дает ответа на вопрос, какова природа разгоревшейся в первой половине XVIII в. борьбы между Францией и Англией за Канаду и почему Франция потерпела в ней поражение. Правильнее объяснять активизацию действий Англии в Северной Америке тем, что «английские купеческие компании, представлявшие более передовой способ производства, обладали значительными преимуществами в конкурентной борьбе с французскими колонизаторами»²² и, не желая мириться с монополией французов на использование богатейших ресурсов пушнины, стремились лишить их важных стратегических позиций в Северной Америке.

Поражение Франции в Северной Америке было предопределено социально-экономической отсталостью французского общественного строя, оказавшегося неспособным противостоять натиску более могущественного противника, пожинавшего плоды буржуазной революции. Этот конфликт двух общественных систем особенно наглядно проявился на полях сражений. На стороне Великобритании оказалась не только более современная военная техника, но и мощные людские ресурсы, представленные миллионным населением 13 быстро растущих и богатящихся английских колоний. В тылу же отсталой французской армии было всего 60 тыс. поселенцев Новой Франции, в большинстве своем неграмотных крепостных крестьян.

Что же представляла собой Канада ко времени ее завоевания? Несомненно, что почти 150-летний период присутствия Франции в этом районе дал свои плоды. Хотя и крайне медленными темпами, но все же осваивалась основная часть плодородной долины реки Св. Лаврентия. Эти земли были поделены на феодальные поместья — сеньории. Наиболее крупные владения принадлежали королевскому двору, римско-католической церкви и религиозным орденам. Обрабатывали землю крестьяне — держатели земли (или, как их еще называли, абитаны) на условиях феодальной «цензивы», неся феодальные повинности. Кроме ежегодной земельной ренты (продуктами или деньгами), абитаны регулярно платили сеньору натуральный оброк в виде поросенка, гуся, бушеля пшеницы или других продуктов своего хозяйства. К этому добавлялась обязанность крестьян пользоваться только мельницами, принадлежавшими сеньорам, и отдавать за это 1/14 часть урожая зерна. Сеньоры в Канаде не имели своей собственной запашки, и поэтому здесь фактически не существовало такой формы феодальной повинности, как барщина. Однако абитаны были обязаны отработать определенное время на строительстве дорог и мостов на территории сеньории. Все земельные сделки, смена владельцев наделов при продаже, наследование сопровождалась уплатой сеньору 1/12 части цены земли. Полной собственностью сеньора были также лес и все угодья на территории его владения, за пользование которыми крестьянину также нужно было платить²³.

За годы французского господства, особенно в последние его десятилетия, в Канаде развивались рыболовство, пушная торговля, ремесла и даже имелись зачатки местной промышленности. Однако говорить о наличии сложившегося и тем более многочисленного класса франко-канадской буржуазии нет никаких оснований. Канадские историки часто неправомерно относят к буржуазии сеньоров, представителей колониальной администрации и армии²⁴. Правильнее же говорить не о наличии в Кана-

²¹ G. Lanctôt. A History of Canada. Vol. 3. Toronto. 1965, pp. 197—200.

²² А. Г. Милейковский. Канада и англо-американские противоречия. М. 1958, стр. 67.

²³ Подробнее о характере сеньориального строя во французской Канаде см.: W. В. Мурго. The Seigniorial System in Canada. N. Y. 1907; R. C. Харрис. The Seigniorial System in Early Canada. Madison. 1966.

²⁴ M. Brunet. La Présence Anglaise et les Canadiens, p. 49; C. Nish. Op. cit.

де класса буржуазии, а всего лишь об отдельных представителях торгового капитала: мехоторговцах, купцах, дельцах от рыбного, лесного и прочего предпринимательства. Однако этот слой был, как правило, не местного, канадского происхождения, представители его были больше связаны с метрополией. Эта часть канадского населения, как показал Ж. Амлен, была агентом торговых фирм и компаний метрополии и рассматривала свое временное пребывание в Канаде как способ получения огромных барышей²⁵. Появление канадской буржуазии к 1760 г. никак не могло быть связано с правлением феодально-абсолютистской Франции, всячески сдерживавшей самостоятельное развитие страны. Известно, что Версаль неоднократно налагал вето на предпринимательскую деятельность колонистов: запрещал производство пеньки, изготовление тканей, закладку железных рудников²⁶.

Завоеванное англичанами население Новой Франции в подавляющем большинстве было французского происхождения, говорило на языке метрополии и исповедовало католическую религию. Общность территории, хозяйственные и прочие связи, англо-французское колониальное соперничество в Северной Америке — все это содействовало выработке элементов собственного национального самосознания у колонистов. Процесс рождения новой, франко-канадской нации ускорился в последние десятилетия французского господства²⁷. Советские исследователи справедливо полагают, что к этому времени население колонии сплотилось в отчетливо сознающую свое единство этническую общность с самоназванием «канадцы»²⁸. Мы не можем согласиться с мнением тех канадских историков, которые считают, что еще до завоевания франко-канадцы оформились в самостоятельную нацию со всеми ее атрибутами. Нарочитое и, кстат, бездоказательное выпячивание национального начала привело этих историков к неправомерной идеализации канадского общества времен французского господства. Почти для всех из них Новая Франция — это «действенное», «независимое», «гордое» «коммерческое общество»²⁹, которое «с помощью Франции и под руководством своих естественных лидеров... успешно сохраняло свою самостоятельность и коллективную свободу»³⁰. «Пока французская Канада оставалась одинокой, пока сохранялись условия для рождения и роста ее как самостоятельного народа, — пишет М. Секэн, — метрополия поддерживала Канаду, защищая ее в военном отношении, колонизуя ее своими сыновьями, институтами и денежными ресурсами. Пока эти условия существовали, Канада развивалась как нормальная нация»³¹.

Представители крайнего франко-канадского национализма в историографии явно очарованы идиллическими картинками типа счастливого канадского абитана, пасущего на живописных речных берегах овец, принадлежащих сеньору. А ведь на самом деле все обстояло далеко не так. Колониальное общество Новой Франции было прежде всего классовым, где господствующий класс в лице сеньоров, духовенства и колониальной администрации жестоко эксплуатировал массу бедных крестьян и ремесленников. История Новой Франции знает случаи открытых выступлений народных масс, недовольных своим положением³². Наконец, Новая Франция была типично колониальной страной, со всеми уродливыми явлениями, которые неизбежно сопутствуют колониальному режиму, на-

²⁵ J. Hamelin. Op. cit., pp. 127—137.

²⁶ G. Lanctot. Op. cit. Vol. 2. Toronto. 1964, pp. 221—222.

²⁷ G. F. G. Stanley. Op. cit., pp. 271—272; G. Lanctot. Op. cit. Vol. 3, p. 210.

²⁸ М. Я. Берзина. Формирование этнического состава населения Канады. М. 1971, стр. 39; «Национальные проблемы Канады», стр. 76.

²⁹ G. F. G. Stanley. Op. cit., p. 274.

³⁰ M. Brunet. The British Conquest: Canadian Social Scientists and the Fate of Canadiens. CHR, Vol. 40, 1959, p. 94.

³¹ M. Sequin. Op. cit., p. 965.

³² G. Lanctot. Op. cit. Vol. 2, pp. 219—220.

саждаемому феодально-абсолютистским государством. Именно этот режим и был основным препятствием для национального самоопределения франко-канадцев.

Не представляется возможным говорить о существовании канадской нации к моменту окончания французского колониального господства и в плане теоретическом. Как известно, экономической основой возникновения нации является такое развитие производительных сил и производственных отношений, которое достигается при переходе от феодализма к капитализму. Именно развитию капитализма сопутствует общественно-территориальное разделение труда, которое экономически связывает население в нацию³³. «Создание... национальных связей,— писал В. И. Ленин,— было не чем иным, как созданием связей буржуазных»³⁴. Подобные явления в Канаде в середине XVIII в. еще не наблюдались. Лишь в будущем, с развитием капитализма, в процессе борьбы против английской метрополии бывшему населению французской Канады удалось не только сохранить свой язык, свою культуру и автономию, но и сплотиться во франко-канадскую нацию.

Начальный этап английского господства в Канаде известен как период «военного режима». Он продолжался с момента капитуляции 8 сентября 1760 г. и до 10 августа 1764 г., когда истек 18-месячный срок после подписания Парижского мира 1763 г. и вступило в действие гражданское правление англичан, а канадцы стали уже юридически считаться британскими подданными. Четырехлетний период военной оккупации представляет интерес для понимания как существа колониальной политики Великобритании в Канаде, так и складывавшейся в колонии ситуации. Лондон еще не определил будущее политическое устройство своего нового владения. Канада находилась пока еще полностью под властью английской армии³⁵. Условия капитуляции внешне выглядели довольно умеренными. Жителям гарантировались: сохранность их собственности, свобода вероисповедания с оговоркой, что уплата католической церкви десятины «будет зависеть от королевской милости». На просьбу Водрей сохранить жителям Канады французские законы и обычаи текст условий капитуляции лаконично отвечал: «Они стали подданными английского короля»³⁶.

В соответствии с прокламацией генерала Д. Эмхерста колония была разделена на три военных округа: Квебек, Монреаль и Труа-Ривьер во главе с военными губернаторами Д. Мюрреем, Т. Гэйджем и Р. Бартоном, обладавшими всей полнотой власти. Управление территорией должно было осуществляться через капитанов милиции, при назначении которых предпочтение должно было отдаваться тем, кто занимал эти должности до завоевания. Этим же документом в стране вводилась свободная коммерческая деятельность, но купцы должны были получать от губернаторов на это специальные разрешения. Абитуанам предлагалось относиться к английским солдатам как к «братьям и согражданам». Только в этом случае они могли рассчитывать на должное с ними обращение³⁷.

Из документов того времени довольно явственно вырисовывается стремление новых хозяев колонии обеспечить прежде всего беспрекословную покорность франко-канадского населения. Некоторые канадские историки утверждают, что с первых же дней своего появления в Канаде англичане стали проводить политику «миролюбия и благожелательно-

³³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 428; т. 21, стр. 406—416.

³⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 154.

³⁵ В Англии даже обсуждался вопрос, чем в первую очередь овладеть: Канадой или Гваделупой. См. M. G. Reid. Pitt's Decision to Keep Canada in 1761. CHAR, 1926, pp. 21—27.

³⁶ CD, pp. 7—36.

³⁷ Report of the Public Archives of Canada for the Year 1918 (далее: PACR). Ottawa. 1919, pp. 21—23; CD, p. 38.

сти»³⁸. На самом же деле колонизаторы с самого начала взяли курс на сохранение существовавшей в Канаде системы феодального подчинения и эксплуатации, то есть фактически на союз со старым господствующим классом, с помощью которого они рассчитывали обеспечить лояльность колонистов. Именно поэтому военные губернаторы взяли под охрану прежде всего сеньориальный строй, существование которого оказалось под угрозой в связи с военными потрясениями, послевоенной экономической разрухой и открытым нежеланием канадских цензитариев выполнять феодальные повинности в новых условиях. В январе 1761 г. в связи с жалобами сеньоров на абитан, отказывавшихся платить ренту, губернатор Монреальского округа обнародовал приказ, требовавший уплаты всех сеньориальных повинностей в звонкой монете. Аналогичные приказы Гэйджу и другим губернаторам приходилось издавать неоднократно, причем под страхом самых суровых наказаний, вплоть до лишения крестьян земли³⁹. Это свидетельствовало о том, что недовольство крестьян-держателей феодальным порядком землепользования было весьма распространенным явлением. Сохранение в неприкосновенности старых обычаев и законов, которое преподносилось оккупантами как свидетельство великодушия англичан-завоевателей, на самом деле было направлено против интересов большинства населения и было выгодно немногочисленным сеньорам и самой английской короне, которая желала использовать сеньориальную систему для получения доходов от завоеванной колонии. Английский монарх занял место верховного сюзерена вместо французского короля. Военные губернаторы широко использовали эту возможность. В феврале 1761 г. Гэйдж опубликовал ордонанс, в котором говорилось, что многие жители городов и правительственные чиновники приобрели в колонии собственные сеньории и произвели различные сделки по передаче земельных владений, не уплатив положенных в этом случае взносов королю. Всем, кто имел к этому отношение, надлежало в 20-дневный срок внести деньги верховному сюзерену под угрозой конфискации поместий. Аналогичные прокламации были изданы и в других округах⁴⁰.

Сеньориальная система позволяла новым хозяевам обложить платежами и повинностями крестьян. За абитанами была подтверждена обязанность нести военную службу в ополчении. От нее освобождались только духовенство, сеньоры и новые владельцы феодальных поместий. Крестьяне должны были выполнять многочисленные и обременительные обязанности по ремонту и расчистке дорог, заготовке дров для нужд военных гарнизонов, поставке провизии войскам. За отказ нести эти повинности они подвергались строжайшим наказаниям⁴¹.

Проанглийские настроенные историки исписали не одну страницу о том, какие «счастливые и мирные» дни установились в Канаде с приходом англичан, какие «сердечные отношения» сложились в колонии между солдатами и местными жителями, несмотря на прежнюю вражду и религиозную нетерпимость. В подтверждение приводятся факты многочисленных браков между англичанами и местными девушками из знатных семей, тщательно подсчитывается, сколько сеньоров, крупных буржуа, чиновников и адвокатов предпочли не уезжать во Францию и остаться в Канаде⁴². Но ведь это всего лишь свидетельство того, что в Канаде устанавливался союз между новыми колонизаторами и старой господствующей верхушкой! Кстати, ни один из историков не может опровергнуть, что канадские сеньоры и католическое духовенство проявили полное расположение и готовность к сотрудничеству с завоевателями в интересах сохранения своего материального благополучия и престижа.

³⁸ A. L. Burf. Op. cit., p. 37; H. Neatby. Op. cit., p. 20.

³⁹ PACR, 1918, pp. 37, 52, 62, 66, 68—70, 73, 75, 81.

⁴⁰ Ibid., pp. 41—101.

⁴¹ Ibid., pp. 35, 37, 50—51, 54, 56, 61, 93, 117.

⁴² A. L. Burf. Op. cit., p. 18; M. Wade. Op. cit., Vol. I, pp. 49—50.

Что же касается отношения основной массы колонистов к режиму английской военной оккупации, то документы говорят совсем о противоположном. Известны случаи недовольства и отказа франко-канадских абитанов выполнять бесплатные работы на дорогах, заниматься перевозками, поставлять зерно и дрова в гарнизоны⁴³. Угрозы губернаторов не давали ожидаемых результатов. Из-за отношения жителей к своим обязанностям в системе снабжения и связи между гарнизонами наблюдались систематические перебои. В ряде приказов содержатся упоминания о том, что местные жители открыто выступали против констеблей, требовавших исполнения королевской службы. Горожане грозили выбросить на улицу расквартированных по домам солдат⁴⁴.

Подлинные настроения канадского крестьянства и горожан наиболее явно обнаружили, когда встал вопрос о несении военной службы. Весной 1764 г. английские власти призвали волонтеров на службу для оказания помощи регулярному войску, действовавшему против восставших индейцев, которыми руководил Понтиак. Предполагалось набрать 5 батальонов канадских «добровольцев» по 60 человек каждый. Однако ни щедрые посулы (12 долларов единовременного вознаграждения и 6 су в день, две пары мокасин и оружие), ни последующие угрозы губернатора Мюррея не помогли властям. Франко-канадцы отказались от военной службы в составе регулярных войск, и прокламация о наборе так и осталась на бумаге⁴⁵. Нельзя не согласиться с М. Брюне, который определил поведение колонистов сразу же после завоевания как «пассивное сопротивление»⁴⁶. Канадские цензитарии едва ли сокрушались по поводу краха французского господства в Канаде. Но и покорности и смирения, а тем более радости и счастья в связи с английским завоеванием у них тоже не было. В массе своей население Канады не жалело о смене властителей и скорее даже отнеслось к этому равнодушно⁴⁷. С другой стороны, оно выступило против попыток старой господствующей верхушки и новых колонизаторов сохранить и упрочить систему зависимости и эксплуатации трудящихся. Это выступление носило характер пассивного сопротивления в условиях военного режима и являлось, пожалуй, единственно возможной формой классовой борьбы, которая уже на самом начальном этапе английского господства приобретает национальную окраску, ибо франко-канадской массе противостояли теперь наряду с прежними сеньорами новые эксплуататоры английского происхождения.

Сразу же после подписания Парижского мира 1763 г. английское правительство отдало распоряжение выслать «коммерческие преимущества» нового владения и как ими «постоянно и надежно» могут пользоваться «занимающиеся торговлей подданные его величества»⁴⁸. В английском министерстве торговли, в ведении которого находились тогда колонии, быстро подсчитали огромные выгоды, связанные с приобретением Канады. Это богатейшие рыбные промыслы в дельте реки Св. Лаврентия и у Атлантического побережья, скупка пушнины у индейцев в обмен на европейские товары, эксплуатация природных богатств, прежде всего земли и леса. Перспективы заселения колонии и лесодобычи выглядели особенно заманчивыми в связи с тем, что в старых американских колониях Англии в результате безудержной спекуляции уже ощущался «земельный голод», а ресурсы корабельной древесины быстро сокращались, и ее доставка к побережью обходилась все дороже⁴⁹.

⁴³ PACR, 1918, pp. 37, 55.

⁴⁴ H. Neatby. Op. cit., pp. 40—42.

⁴⁵ PACR, 1918, pp. 19—20, 151.

⁴⁶ M. Brunet. La Présence Anglaise..., pp. 37—48.

⁴⁷ V. Collin. The Province of Quebec and the Early American Revolution. N. Y.—L. 1970 (впервые опубликовано в 1896 г.), pp. 286—287.

⁴⁸ CD, pp. 127—130.

⁴⁹ Ibid., pp. 132—138.

Однако мнения по вопросу о границах приобретенных владений разошлись. Король Георг III и государственный секретарь Эгремонт полагают, что все земли, захваченные у Франции в Северной Америке, в том числе не обжитые европейцами районы к северу и западу от реки Св. Лаврентия и Великих озер, должны войти в состав новой колонии, дабы не стать предметом притязаний со стороны других держав, а также «убежищем для преступников и беглых лиц»⁵⁰. Министерство торговли выдвинуло ряд возражений против того, чтобы обширные земли, заселенные пока только индейскими племенами, были переданы под управление колониальной администрации: это, по мнению министерства, нарушило бы принцип «свободной торговли» с индейцами для всех английских подданных и вызвало бы недовольство других североамериканских колоний, а также отдельных лиц, занимавшихся торговлей в этом районе. Впрочем, и министерство и король были согласны, что территории проживания индейцев должны быть объявлены королевским владением, а также, что белым колонистам должно быть запрещено приобретение этих земель и поселение на них⁵¹. Объявление индейских земель королевской резервацией можно рассматривать как определенную уступку коренным жителям со стороны английских властей, напуганных недавним отчаянным сопротивлением индейцев белым колонизаторам. В то же время этим шагом создавался гигантский заповедник для неравноправной торговли белых колонизаторов с коренным населением Северной Америки.

Что касается политики в отношении местного населения французского происхождения и политического устройства новой колонии, то в Лондоне, по-видимому, над этим сначала не очень задумывались. Английские правящие круги, все еще находившиеся под впечатлением своей победы, были убеждены, что усилиями британских чиновников, церкви и новых поселенцев Канада будет быстро «обританена», а французы-католики обращены в протестантов. К подобному заключению располагали и излишне оптимистические доклады недалековидных военных губернаторов о положении дел в завоеванной стране⁵². Английские колонизаторы намеревались установить в Канаде политическое устройство, существовавшее во всех других североамериканских владениях короны.

7 октября 1763 г. Георг III обнародовал прокламацию об образовании 4-х новых колониальных владений: Квебека, Восточной и Западной Флориды и Гренады⁵³. Это был первый официальный документ, фиксировавший основы английского колониального режима в Канаде. Согласно прокламации, юго-восточные районы бывшей Новой Франции передавались английской колонии Новой Шотландии, к Ньюфаундленду переходили Лабрадор и прилегающие острова, а земли, расположенные к западу от реки Оттавы, были объявлены индейской резервацией. Обращает на себя внимание существенное сокращение территории Квебека, особенно юго-восточных районов: имелось в виду этим путем ограничить возможности расширения и роста франко-канадских поселений.

В Квебеке создавалось колониальное правительство из губернатора и 12 назначаемых им советников. С согласия последних губернатор должен был, когда «позволят обстоятельства и положение в колонии», созвать выборную ассамблею и осуществлять управление колонией «в такой манере и форме, которые используются в других английских колониях и провинциях Америки». Ссылку на «обстоятельства и положение в колонии» следует расценивать как замаскированный отказ английских властей от предоставления населению Квебека права на какие-либо выборные институты. Еще существеннее было условие выбрать в ассамб-

⁵⁰ Ibid., p. 148.

⁵¹ Ibid., pp. 151—152.

⁵² Ibid., pp. 131—163.

⁵³ Ibid., pp. 163—168.

лею только протестантов, что полностью обесценивало эту статью прокламации, поскольку 99% населения Квебека являлись католиками! Потребовалось 28 лет борьбы, чтобы выборная ассамблея стала реальностью.

Английский губернатор пользовался в колонии безраздельной властью. Он имел право создавать гражданские и уголовные суды, делать земельные пожалования, производить назначения на высшие гражданские и церковные должности, по своему усмотрению тратить казенные деньги, набирать ополчение и даже вести войну против «врагов, пиратов и бунтовщиков». Губернатор должен был всячески поддерживать протестантскую церковь, покровительствовать представителям метрополии, ни в коем случае не давать согласия на устройство мануфактур или ведение других дел, могущих повредить интересам Великобритании. Губернатор был обязан прежде всего заботиться о «безопасности» колонии и защите интересов империи⁵⁴.

На Квебек распространялось действие английских законов и судебной системы. Губернаторским ордонансом от 17 сентября 1764 г. устанавливались суды различных инстанций⁵⁵. На должности мировых судей могли назначаться только протестанты, а так как их число в колонии было еще незначительным, пришлось даже упразднить округ Труа-Ривьер, где почти совсем не было протестантов, и поделить колонию на два округа — Монреаль и Квебек⁵⁶. Разрешался допуск канадских адвокатов и прокуроров в высшие суды, а также избрание канадцев в состав присяжных Верховного суда, поскольку, как признавал губернатор, в колонии «не было еще ни одного английского адвоката или прокурора, знающего французский язык»⁵⁷. Кстати, судопроизводство, как и вся административная деятельность, осуществлялось только на английском языке, что создавало для франко-канадцев, не знавших чужого языка и законов, огромные трудности.

Прокламация 1763 г. провозглашала для местного населения свободу вероисповедания и разрешала деятельность римско-католической церкви. Однако это вовсе не означало подлинного религиозного равенства. Уже то, что католики лишались политических прав и возможности занимать какие-либо общественные должности, ставило франко-канадцев в неравноправное положение по сравнению с протестантами-англичанами. Британский государственный секретарь Эгрмонт поручал губернаторам установить бдительный надзор за католическими священниками и смещать тех из них, чья деятельность будет касаться каких-либо гражданских дел или же направлена против английского господства⁵⁸. Да и в самой прокламации свобода католической религии устанавливалась «в пределах, допускаемых законами Великобритании», что послужило в дальнейшем основанием для проведения антикатолических мероприятий.

Прокламация 1763 г. не изменила существа системы феодального землевладения. Все феодальные владения нужно было лишь заново зарегистрировать. Колониальные власти взяли на себя охрану сеньориального строя, издавая в случае необходимости ордонансы, которые обязывали держателей наделов аккуратно и сполна выполнять свои обязанности⁵⁹. Кроме того, на основе инструкций из Лондона генерал-губернатор ввел систему новых земельных пожалований на основе так называемой «квитренты», которая, по существу, также носила феодальный харак-

⁵⁴ Ibid., pp. 173—205.

⁵⁵ Public Archives of Canada. Colonial Office. Acts (далее—PAC. CO), 44, Vol. I, pp. 9—16; PACR, 1913, pp. 46—49; CD, pp. 205—210.

⁵⁶ PACR, 1918, p. 2.

⁵⁷ CD, p. 207.

⁵⁸ Ibid., p. 169.

⁵⁹ PAC. CO, 44, Vol. 4, pp. 33—34, 41—44; PACR, 1913. Ottawa. 1914, pp. 53, 57—58.

тер, ибо ее твердое денежное выражение устанавливалось безотносительно к рыночной стоимости земли. Кстати, подобное явление имело место и в других североамериканских колониях Англии. Пожалования частным лицам должны были делаться из расчета 100 акров на главу семьи и по 50 на каждого ее члена с уплатой ежегодной «квитренты» минимум 2 шиллинга за 100 акров. Поселенец должен был в течение трех лет построить дом, освоить определенный участок земли, только после этого он мог претендовать на дополнительное пожалование. Демобилизованные английские солдаты и офицеры могли получить земельные участки от 50 до 5 тыс. акров (в зависимости от ранга) с освобождением на 10 лет, от всех обязательств связанных с этим пожалованием⁶⁰.

Эта система была рассчитана прежде всего на новых поселенцев и преследовала цель — ускорить английскую колонизацию. Англичане, особенно чиновники, приобретали земельные участки, вовсе не предполагая их осваивать, а исключительно ради спекуляции. Наиболее состоятельные и влиятельные англо-канадцы охотно скупали даже феодальные сеньории обедневших или уехавших из страны владельцев. Спустя 10 лет после завоевания в Канаде было около 200 крупных землевладельцев английского происхождения, из них поместьями владели около 30. Генерал-губернатор Мюррей скупил несколько сеньорий в окрестностях Квебека. Это совсем не означало, что новые землевладельцы селились на земле. Почти все они продолжали нести правительственную службу или занимались коммерцией⁶¹.

В сфере коммерческой деятельности английские власти ввели систему пошлин и налогов в пользу короны, помимо тех, что взимались и при французском господстве. На Канаду распространялось действие всех уже до этого принятых актов о торговле и навигации. Средний налог на ввозимые и вывозимые товары устанавливался в размере 3%. Особенно ревностно метрополия охраняла свою монополию на производство и продажу спиртных напитков (под видом заботы о здоровье индейцев и духе солдат). В то же время торговля с индейцами была объявлена свободной для всех британских подданных. Требовалось лишь получить лицензию от властей⁶².

Как и во время военной оккупации, на население колонии налагались всевозможные трудовые и прочие повинности — горожане и сельские жители должны были предоставлять свои дома для расквартирования войска, поставлять в гарнизоны дрова, бесплатно работать на дорогах, осуществлять транспортные перевозки⁶³. Жизнь в колонии подвергалась довольно мелочной регламентации, вплоть до порядка езды на лошадях и очистки дымоходов.

Таким образом, Великобритания установила по отношению к местному населению деспотическую форму правления, целью которой было «расфранцузивание» Канады. Это признают даже проанглийские историки⁶⁴. Колониальные власти предоставили франко-канадцам практически единственное «право» — приносить присягу на верность новому монарху, а в случае отказа — покинуть страну. По данным источников, лишь 270 человек из 63 тыс. жителей Канады уехали из страны. Это были некоторые сеньоры, деятели старой администрации, состоятельные люди, так или иначе связанные с метрополией. Подавляющее большин-

⁶⁰ PACR, 1918, pp. 403—405. О «квитренте» в США см.: А. В. Ефимов. США: пути развития капитализма. М. 1969, стр. 39.

⁶¹ H. Neatby. Op. cit., pp. 59—60; V. Coffin. Op. cit., pp. 305—306.

⁶² PAC. CO, 44, Vol. 1, pp. 48—49, 56—57; PACR, 1913, pp. 60—61; PACR, 1918, pp. 2—3, 9.

⁶³ PAC. CO, 44, Vol. 1, pp. 22—25, 50—55; PACR, 1913, pp. 75—80.

⁶⁴ A. L. Burt. Op. cit., p. 82; M. Wade. Op. cit., p. 54; W. S. Wallace. The Beginnings of British Rule in Canada. CHR, Vol. VI, 1925. Лишь некоторые исследователи пытаются оправдать колониальную политику Великобритании того времени. См., например: Ch. Martin. Empire and Commonwealth. Oxford. 1929, pp. 95—99.

ство населения, в том числе сеньоры и духовенство, остались в колонии⁶⁵. За старым господствующим классом колонизаторы сохранили все богатства и право на эксплуатацию зависимых крестьян. Сеньоры лишились лишь ряда привилегий и источников доходов, связанных с должностными sineкурами, а также юридической и военной властью, которой они обладали до завоевания. Кстати, ослабление позиций сеньоров после прихода в Канаду англичан, как мы уже видели, было быстро осознано абитанами, и старые узы подчинения и зависимости стали распадаться вместе с ростом неприязни к сеньорам и к сеньориальным повинностям⁶⁶. Английские колониальные власти тщетно пытались приостановить этот процесс.

Завоевание привело к важным изменениям в общественной структуре колонии. В Квебек устремились английские чиновники, торговцы, различные предприниматели. Еще до подписания Парижского мира многие торговцы из американских колоний поспешили переселиться в Монреаль. В 1764 г. в Квебеке было около 200 англичан. Английское население росло, правда, не так быстро, как первоначально полагали колониальные власти, и к началу 70-х годов XVIII в. достигло всего 400—600 человек, оставаясь таковым вплоть до начала войны за независимость североамериканских колоний⁶⁷.

Английское меньшинство в своей значительной части состояло из представителей новой колониальной администрации. В числе первых чиновников в Канаду прибывали зачастую абсолютно некомпетентные люди, купившие себе должности за деньги или же скомпрометировавшие себя в метрополии, как, например, главный судья Квебека Грегори. Эти люди не знали французского языка, законов и обычаев, по которым жило местное население⁶⁸. Другую часть английского населения составляли торговцы и предприниматели, заинтересованные прежде всего в меховой торговле. Эти люди предпочитали селиться в городах Квебеке и Монреале, где были сосредоточены деловые конторы, представительства торговых фирм, правительственные учреждения. В течение первых лет они овладели практически всей внешней оптовой торговлей, а также значительной частью пушной торговли, прибрали к рукам имевшиеся в Канаде промышленные предприятия⁶⁹.

Пользуясь покровительством метрополии, английское меньшинство с самого начала оказалось на более высоких ступенях социальной лестницы канадского общества, нежели франко-канадская масса его населения. Оно потеснило старую господствующую верхушку, а в ряде случаев заняло ее место. Свое привилегированное положение англо-канадцы стремились реализовать прежде всего в материальной сфере, а также в управлении колонией. В области торговли, особенно с индейцами, они сразу же столкнулись с конкуренцией франко-канадских охотников-трапперов и мелких торговцев. Установление британского контроля над обширными северо-западными районами Канады и объявление принципа «открытой» торговли с индейцами усилило также стремление пограничных американских колоний включить эти земли в сферу собственных торговых интересов. Соперничество это было столь сильным и явным, что стало предметом особой заботы колониальных властей. Дело доходило до натравливания индейцев друг на друга⁷⁰.

Именно факторы социально-экономического характера обусловили

⁶⁵ CD, pp. 81—87, 91—96.

⁶⁶ W. B. Munro. Op. cit., pp. 192—207.

⁶⁷ CD, pp. 206, 284; V. Coffin. Op. cit., p. 303.

⁶⁸ G. M. Wrong. Canada and the American Revolution. N. Y. 1968 (впервые опубликовано в 1935 г.), p. 47.

⁶⁹ A. L. Burr. Op. cit., p. 105.

⁷⁰ The Correspondence of General Thomas Gage with the Secretaries of State, 1763—1775. Vol. I. Washington. 1969, pp. 277—279.

нетерпимость и шовинизм английского меньшинства Канады по отношению к франко-канадскому населению. Все, даже самые малейшие проявления терпимости по отношению к франко-канадцам встречались английским меньшинством в штыки. В ответ на ордонанс 1764 г., разрешавший католикам-канадцам в отдельных случаях занимать судебные должности, английские члены Верховного суда колонии направили в Лондон протест с требованием полностью лишить католиков права участвовать в колониальном судопроизводстве. Точно так же английское меньшинство, добываясь от Лондона учреждения в Канаде выборной ассамблеи, с не меньшим упорством боролось против допущения в нее представителей франко-канадского населения, утверждая, что оно еще не готово иметь выборные представительные органы власти. Главный судья провинции Хэй доносил в Лондон, что канадцы «смотрят на ассамблею как на место для бунта, где можно будет сбивать с толку правительство и устраивать обструкции»⁷¹.

Как только губернатор Мюррей сделал некоторые уступки франко-канадцам (восстановил ряд прежних правовых норм, изменил судебную систему, сместил главного судью Грегори и еще нескольких оскандалившихся чиновников), в Лондон посыпались жалобы. Квебекские торговцы направили на имя короля петицию, которая была поддержана группой лондонских купцов, имевших крупные интересы в канадской торговле. Они требовали дальнейшего расширения своих прав в торговле с индейцами, обвиняли Мюррея в том, что он вносит «раскол среди англичан и французов, ...подстрекая последних просить об отправлении судопроизводства на их собственном языке». Кроме того, они настаивали на установлении выборной протестантской ассамблеи. В 1766 г. генерал-губернатор был вызван в Лондон для дачи объяснений в парламенте и в Канаду уже более не вернулся. Интересна оценка Мюрреем английского меньшинства Квебека: «Нужно совсем немного, чтобы удовлетворить наших новых подданных, зато ведущих здесь торговлю распушенных фанатиков ничто не сможет удовлетворить, кроме как изгнание отсюда канадцев»⁷².

Английские колонизаторы захватили почти все управленческие посты, они злоупотребляли своим положением и притесняли иноязычных жителей. Некоторые чиновники занимали сразу несколько ответственных должностей, не имея ни соответствующего опыта и совсем не владея французским языком. Прозвучала система взяток и «вознаграждений». «Гонорары» за услуги судебных органов были столь высоки, что франко-канадские крестьяне предпочитали старый суд сеньора. Коррупция и злоупотребления английских мировых судей, некомпетентных и невежественных, привели к тому, что сотни жителей лишились своей земли и жилища⁷³.

Колонизаторская политика метрополии и английского меньшинства вызвала ответное стремление франко-канадцев защитить свои национальные права, не позволить «низвести себя до положения рабов». В 1765 г. 95 «влиятельных жителей Канады» направили королю петицию с жалобой на порядки в колонии, коррупцию судей-англичан, «которые не знают ни нашего языка, ни обычаев и с которыми можно разговаривать, только держа в руках деньги». Петиционеры требовали издания свода законов на французском языке, ведения гражданского судопроизводства с учетом французских традиций и порядков⁷⁴. И это был не единственный случай.

⁷¹ CD, pp. 213, 257—269; «Statutes, Treaties and Documents of the Canadian Constitution. 1713—1929». Ed. by W. P. M. Kennedy (далее — «Statutes...»). Toronto. 1930, p. 128.

⁷² «Statutes...», pp. 40, 41, 43; CD, pp. 229—236, 256; PACR, 1888. Ottawa. 1889, pp. 14—17.

⁷³ H. Neatby. Op. cit., pp. 51—52, 97—98; V. Coffin. Op. cit., pp. 354—359.

⁷⁴ CD, pp. 222—224.

Как правило, инициаторами и авторами подобных петиций были сеньоры. Объясняется это не только их грамотностью и политической опытностью. Франко-канадскую знать чрезвычайно беспокоило, что «старые подданные» (жители английского происхождения) могут «захватить их собственность». Напуганные нетерпимостью англичан, прибывших в колонию, сеньоры направили Георгу III петицию с просьбой оставить в колонии губернатора Мюррея, готового в отдельных случаях идти на уступки местным жителям. Французские сеньоры требовали для себя равного допуска к правительственным должностям, обещая короне взамен «свои сердца, полные любви и признательности». Монреальские сеньоры писали английскому королю, что они будут «наставлениями и примером постоянно сохранять среди своих арендаторов чувства верности и подчинения английской короне»⁷⁵. Таким образом, во имя собственных выгод франко-канадские феодалы предлагали английским колонизаторам явную сделку за счет зависимых крестьян, означавшую укрепление союза представителей старого и нового господствующего класса. В целом это была реакционная позиция, поскольку она была направлена на сохранение феодальной эксплуатации крестьян и упрочение колониальной зависимости Канады от Великобритании. Однако в ряде случаев требования франко-канадской элиты отражали некоторые общие интересы местного населения, в том числе крестьянства. Эти требования и выступления затрудняли установление системы неравноправия и национального гнета в колонии. Двойственность в поведении верхушки франко-канадского общества сохранялась и в дальнейшем. Что же касается неграмотной и разобщенной крестьянской массы, то в тот период она не была еще способна на какие-либо самостоятельные политические действия, но ее стихийный протест был питательной средой и резервом для более активных выступлений средних городских слоев (ремесленников, мелких торговцев, представителей местной интеллигенции).

Итак, английское завоевание Канады привело к установлению нового жесткого колониального режима, опиравшегося на складывающийся союз английской колониальной администрации, привилегированного меньшинства населения английского происхождения и старого господствующего класса в лице феодальных сеньоров и католического духовенства. В колониальном Квебеке усилиями метрополии и английского меньшинства наряду со старыми узами подчинения и зависимости начинает устанавливаться система социального неравноправия и национального гнета по отношению к населению французского происхождения, представлявшего в своей массе эксплуатируемых крестьян, низшие и средние слои городского населения. Это привело к возникновению в Канаде франко-канадского национального вопроса. На своем начальном этапе он представлял собой вопрос о взаимоотношениях завоевателей-колонизаторов в лице английского меньшинства, с одной стороны, и большинства населения в лице компактной франко-канадской национальной общности, сопротивлявшейся ассимиляторской политике метрополии и английского меньшинства, с другой. Возникнув в условиях классовой эксплуатации и колониальной зависимости, национальный вопрос в Канаде с самого начала стал составной частью социальной и национальной освободительной борьбы. Без учета этих исторических особенностей невозможно понять своеобразие развития Канады.

⁷⁵ PACR, 1888, p. 18; CD, p. 271.